

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

«Мрачное семилетие» в истории российских университетов

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 12–03–00137 «Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального»

В статье рассматривается вызванный революционными событиями в Европе 1848 г. процесс полной ревизии университетского устава 1835 г., включавший ограничение университетского самоуправления, запрещение преподавания целых разделов наук и отраслей знания, «опасных» для мировоззрения и нравственности студентов, нарушение принципа всеобщности обучения, увеличение платы за получение высшего образования, сокращение числа студентов, введение жесткого контроля за поведением университетов и преподавателей, прекращение заграничных командировок профессоров и лучших выпускников.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, особые и специальные Комитеты, министр просвещения, попечители, инспекторы, университеты, «комплект» и социальный состав студенчества, плата за обучение, «подтягивание» дисциплины и благонравия студентов, «Инструкция ректорам университетов и деканам факультетов», «Наставление ректорам и деканам», застой в науке, падение уровня преподавания, Крымская война.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

"Gloomy Seven Years" in History of Russian Universities

In the article is regarded the process of complete revision of the University charter of 1835 which includes restriction of University self-government, prohibition of teaching of some parts of sciences and branches of knowledge which were considered to be "dangerous" for students' outlook and morality, infringement of the principle of all-estates training, increase of tuition for higher education, reduction of number of students, introduction of rigid control of behaviour of universities and teachers, extinction of foreign business trips of professors and the best graduates caused by revolutionary events in 1848.

Keywords: the Ministry of National Education, particular and special Committees, the Minister of Education, trustees, inspectors, universities, "set" and social structure of students, tuition, "pulling up" of discipline and students' good conduct, "The Instruction to Rectors of Universities and Deans of Faculties", "Manual to Rectors and Deans", stagnation in science, decreasing of the teaching level, the Crimean War.

Продолжая рассмотрение истории российских университетов, начатое в предыдущих публикациях [19–22], мы подошли к такому периоду их деятельности, который еще в оценках современников получил название «мрачного семилетия».

Новый «николаевский» университетский устав 1835 г. действовал чуть более десяти лет. Революционные события, охватившие в феврале 1848 г. Францию и перекинувшиеся затем на остальную Европу, вновь заставили российское правительство, опасавшееся «за политическую благонадежность русской интеллигенции», приступить к превентивным мерам, способным поставить надежный заслон проникновению опасных для самодержавия буржуазно-демократических и социалистических идей и защитить, таким образом, «учащуюся молодежь от революционных влияний» [5, с. 260].

Неотложной необходимости в наложении на университеты каких бы то ни было дисциплинарных санкций, потребности в применении по отношению к ним «стеснительных» мер в 1848 г. не существовало, так как университеты не давали для этого никаких поводов. Попечители учебных округов информировали С. С. Уварова о том, что «настроение умов и духа учащейся молодежи» не внушает опасений; сам министр народного просвещения, посетив Московский университет, мог уверенно доложить Николаю I об отсутствии «брожения умов» и о наличии всеобщего «отвращения к печальным явлениям в Западной Европе» [5, с. 260, 261]. Тем не менее, несмотря на отсутствие провоцирующих факторов, именно в 1848 г. правительство Николая I предприняло очередное наступление на права университетов, считая необходимым подвергнуть их более силь-

ному контролю, чем допускал «общий» университетский устав. Совпавший с последним семилетием царствования императора «крестовый поход против науки» [4, с. 312, 315] 1848–1855 гг. воспринимался очевидцами «самой мрачной» [10, с. 12], «несчастной эпохой»¹ [6, с. 315] в истории российских университетов.

Начавшийся при С. С. Уварове и завершившийся при его преемнике, графе П. А. Ширинском-Шихматове, «погром» университетов имел многочисленные проявления, осуществлявшиеся методично и расчетливо. Сначала Министерство народного просвещения запретило направлять за границу лучших выпускников университетов – профессорских стипендиатов «для совершенствования в науках», хотя еще в 1846 г. утверждало, что «ученые путешествия молодых людей... постоянно поддерживают русское ученое сословие и русские университеты на высоте знаний народов, опередивших нас некогда на стезе образования» [5, с. 251]. Ликвидировав этой мерой все контакты с бунтующей Европой, Министерство сделало ставку в вопросе подготовки новых научных кадров на институт доцентов, прежде существовавший только в Дерптском и Киевском университетах. Доценты из «русских уроженцев» должны были, по замыслу реформаторов, восполнить недостающее число вакантных адъюнктовских и профессорских мест [17, с. 355]. В своей научно-педагогической деятельности они были обязаны ориентироваться исключительно на российский педагогический опыт и апеллировать в научных изысканиях к богатству мысли одних лишь местных библиотек, так как научные командировки за границу лицам, служившим в системе Министерства народного просвещения, были запрещены, а университеты лишились права получать литературу из-за рубежа [26, с. 46].

Вторым направлением наступления на права университетов было искусственное регулирование численности и социального состава студенческой аудитории. Еще в начале 40-х гг. С. С. Уваров рядом своих циркуляров преградил доступ в университеты лицам, вызывавшим серьезные сомнения в уровне имеющихся у них знаний, явно недостаточных для обучения в высшей школе. «Невыгодным обременением» для университетов стали считаться подростки, не достигшие шестнадцати лет², а также выпускники гимназий, имевшие неудовлетворительную успеваемость. С 1844 г. доступ в университеты для них был воспрещен. После осуществления этих мер, сочувственно встреченных в обществе, Министерство народного просвещения приступило к осуществлению проектов, направленных

на недопущение в университетские аудитории лиц низкого социального статуса, «чрезмерное» возрастание численности которых, по мнению С. С. Уварова, высказанному в докладе государю, может поколебать «соразмерность с гражданским бытом разнородных сословий». Полагая, что представителям «низших состояний» высшее образование «бесполезно», так как, выводя их «из круга первобытного состояния», оно превращается для них в «лишнюю роскошь», не сулящую дальнейших практических успехов и к тому же не приносящую никакой выгоды государству, он добился от Николая I разрешения на увеличение платы за обучение в университете. Согласно Высочайшему повелению, вступившему в силу 31 декабря 1848 г., плата за обучение в столичных университетах стала составлять пятьдесят рублей в год, в Харьковском, Киевском, Казанском – сорок рублей [5, с. 256, 263; 10, с. 19], хотя, по мнению современников, опасение в том, что университеты создают «интеллигентный пролетариат», было явно преждевременным [17, с. 353].

Высокая плата за обучение сохранялась и в начале 50-х гг. XIX в., так как, по мнению П. А. Ширинского-Шихматова, это был единственный способ, отвращавший лиц «низкого сословия», гораздо чаще других студентов становящихся «людьми беспокойными и недовольными настоящим положением вещей», от университетов [5, с. 263].

Продолжая проводить курс, направленный на отлучение от университетов лиц податных состояний, вольноотпущенных и всех не имевших законных доказательств о своем происхождении, Министерство народного просвещения запретило посещать занятия «приватным слушателям», многие из которых принадлежали к названным категориям царских подданных. Прежде они имели многочисленные льготы по сравнению со студентами (поступали в университеты без предварительных испытаний, не сдавали переводных экзаменов при зачислении на следующий курс, не состояли под надзором университетского начальства и инспекторов, допускались к итоговым экзаменам, предоставлявшим им право получать звания действительного студента и кандидата), поэтому их количество из года в год возрастало. Теоретически вольнослушателей можно было считать наиболее склонной к проявлению бунтарских интенций частью студенческой молодежи, что не заставило правительство медлить с ожидаемой реакцией расправы над ней.

По решению Государственного совета, принятому летом 1847 г., разряд «приватных слушате-

лей» в университетах был упразднен, а служащим и отставным чиновникам, вместе с лицами свободных состояний, нуждавшимся в приобретении знаний университетских курсов, предоставлялись права посещать лекции и сдавать экзамены на ученые степени на общих со всеми студентами основаниях [5, с. 257, 258].

В 1849 г., когда строгие правительственные меры по отношению к университетам были ужесточены, Высочайшим повелением устанавливался предел численности своекоштных абитуриентов на всех факультетах, кроме медицинского, – так называемый «комплект» – триста человек в год в каждом университете. Если иметь в виду тот факт, что своекоштные студенты принадлежали преимущественно к дворянскому сословию [17, с. 353], то нетрудно догадаться, против какой группы студенческой молодежи было направлено острие этого распоряжения. Официально разясняя причины сокращения набора студентов в университеты, Министерство народного просвещения обращало внимание на то, что представители дворянства, с одной стороны, постоянно уклоняются от несения государственной службы, игнорируя потребность России в дипломированных специалистах, и это снижает доверие правительства к университетам³; с другой стороны, Министерство не скрывало того, что детям благородного сословия по издревле существовавшей традиции следует осознать преимущества военной службы перед гражданской, для чего им надлежит поступать не в университеты, а в военные училища или прямо направляться в действующую армию [5, с. 263].

Таким образом, правительство Николая I откровенно демонстрировало свое пренебрежительное отношение к университетам. Для того чтобы девальвировать ценность университетского образования, оно использовало ряд рычагов, способствовавших падению интереса к центрам научного знания: разночинские слои общества не имели возможности преодолеть выстроенный Министерством денежный барьер; низшие – игнорировать нарушенный властями принцип всеобщности; дворянская молодежь – обойти препятствие в виде искусственного лимитирования численности студентов.

В результате осуществления всех этих мер численность студентов начала снижаться: если в 1847 г. в С.-Петербургском университете обучалось 733 студента, то в 1850 г. их стало 387, в Московском – из 1198 осталось 821, в Казанском – из 368–309 человек [11, с. 85, табл. 4].

Политика «закручивания гаек» в отношении к университетам проявилась не только в сокраще-

нии числа обучавшихся студентов и корректировании их социального состава. Одновременно велась работа, направленная на падение престижа Министерства народного просвещения и фактическую отмену устава 1835 г. В этом проявлялась общая тенденция перестройки государственного управления Николаем I, который «пытался свести государственную власть к личному самодержавию “отца-командира”, на манер военного командования, окрашенного... патриархально-владельческим, крепостническим пониманием всех отношений властвования и управления» [23, с. 57].

Еще при С. С. Уварове произошла утрата авторитета основных совещательных подразделений Министерства – Главного правления училищ и Комитета устройства учебных заведений. Отправив автора теории «официальной народности» в отставку, осенью 1849 г. Николай I, уверенный в том, что любые проблемы можно решить одними лишь структурными преобразованиями [18, с. 143] в государственном аппарате, взял в свои руки организацию просветительской деятельности в России. В марте 1850 г. был закрыт Комитет устройства учебных заведений, а разработка мер по преобразованию системы образования империи была сосредоточена в руках созданного императором в обход Министерства особого Комитета для пересмотра постановлений и учреждений по части Министерства народного просвещения; его председателем стал граф Д. Н. Блудов. Другому специальному Комитету во главе с директором Главного Педагогического института И. И. Давыдовым было поручено рассмотрение учебных книг и руководств – так было создано одно из многочисленных цензурных подразделений⁴, которое работало самостоятельно, дублируя функции цензурного аппарата Министерства народного просвещения, а также созданного второго апреля 1848 г. «неофициального и негласного» цензурного Комитета под председательством директора Императорской публичной библиотеки, члена Государственного Совета Д. П. Бутурлина⁵. Потеря Министерством самостоятельности в основных вопросах образовательной политики способствовала быстрому распространению слухов о присоединении этого ведомства к системе военно-учебных заведений, а также о скором закрытии университетов и замене их узкоспециальными учреждениями [13, с. 264; 25, с. 244, 249].

Не решившись на закрытие университетов, Николай I, испытывая к ним не только недоверие, но и плохо скрываемую неприязнь⁶, поставил

главные центры высшего образования России в очень жесткие условия⁷.

При новом министре народного просвещения П. А. Ширинском-Шихматове (1849–1853), который оказался всего лишь «точным исполнителем Высочайших повелений» [5, с. 229], строгость правительственного контроля за деятельностью университетов проявилась прежде всего в том, что они оказались в полной зависимости от попечителей, назначавшихся императором из лиц, принадлежавших, как правило, к офицерскому корпусу. Только во главе Варшавского учебного округа стоял действительный статский советник П. А. Муханов; Харьковский, Киевский, Виленский округа находились в ведении местных генерал-губернаторов; Московским учебным округом управлял генерал-майор В. И. Назимов [5, с. 229]. Далекие от науки и чуждые просвещению, попечители университетов видели свои основные задачи в наведении жесткого порядка в университетах, установлении казарменной дисциплины, пресечении любых форм неповиновения властям. Об этом мы узнаем из воспоминаний студента Московского университета Н. А. Белоголового: «Университеты переживали в конце царствования императора Николая I... тяжелые годы; мы как раз попали в этот печальный период их истории, а именно поступили в августе 1850 г. и кончили в апреле 1855 г. ... Сугубо внешняя формалистика господствовала во всех мелочах... Лишь только мы облеклись в студенческую форму – мундир, шпагу и крайне неудобную треуголку, инспектор [бывший морской офицер И. А. Шпейер. – М. Н., Т. П.] собрал всех, поступивших на первый курс, в большую актовую залу, прочел наставление об обязательных для студентов правилах благонравия, распушив многих за противозаконную длину волос, подробнее всего остановился на том, как мы должны отдавать честь на улицах своему начальству и военным генералам, а именно не доходя до них на три шага, становиться во фронт [войсковой строй. – М. Н., Т. П.] и прикладывать руку к шляпе, и в заключение заставил нас каждого... пройти мимо него и отдать ему честь; тот, кто проделывал это неправильно, без достаточной грации и военной ловкости, должен был... до тех пор повторять свое церемониальное прохождение мимо инспектора, пока не заслуживал его полного одобрения. Это была, можно сказать, первая наша лекция в университете». Далее Н. А. Белоголовый сообщает о том, что «Шпейер был назначен с тем, чтобы подтянуть студентов... Последние боялись попадаться ему на глаза, потому что он придирался к самому незначи-

тельному упущению в костюме, к небритой бороде и чуть-чуть отросшим волосам... – заключение в карцер было обычным финалом этой встречи... За расстегнутую пуговицу юноша... рисковал быть исключенным из храма науки, куда он попал после многолетних трудов... и очень часто больших материальных лишений... Все поступки студентов... ограничивались несоблюдением формы, и самым тяжким преступлениям считалось выйти на улицу без шпаги и особенно не в треуголке, а в студенческой фуражке, ношение которой было строжайше запрещено в городской черте» [10, с. 12–14].

Схожие впечатления о годах, проведенных в университете, сохранились у выпускников «храмов наук» России последних семи лет николаевского царствования. За незастегнутую пуговицу и расстегнутый крючок мог исключить студента из университета и «маленький деспот» С.-Петербургского учебного округа, бывший гусарский полковник М. Н. Мусин-Пушкин, и Киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков, придерживавшийся того взгляда, что «чем меньше науки, тем лучше и безопаснее», и Харьковский генерал-губернатор С. А. Кокошкин, сожалевший о том, что в университете нет специальной кафедры дисциплины [10, с. 15].

«Подтягиванием» студентов, кроме попечителей, занимались их ближайшие помощники – инспекторы, которые могли наказывать карцером за «такие преступления»: ношение усов и длинных волос, посещение театра и трактиров, опоздание на богослужение, курение табака, неприличное харканье и т. п. [10, с. 15].

Для достижения положительного результата в своей мелочной, бюрократической опеке над университетами попечители применяли два наиболее эффективных метода: отчисление студентов и солдатчину. Власть попечителей заменила собою устав. «Административное вмешательство, опека и мелкая регламентация окончательно задавили все созданное совокупными усилиями предшествовавших поколений. Свободная наука была изгнана из университетов, знание взято под полицейский контроль, студенты обращены в воспитанников, связанных строгой дисциплиной на военный образец, с неизбежной маршировкой, строем и фронтом», – писал знаток университетских уставов XIX в. Б. Б. Глинский [12, с. 346].

В 1849–1851 гг. происходило грубое обновление «общего» университетского устава 1835 г., которое свелось к его фактическому аннулированию. Сначала университеты лишились своих избирательных полномочий: права выбора ректора и деканов. Эта важнейшая функция университет-

ских советов, прежде создававшая ощущение относительной независимости в решении внутренних вопросов и теплившая иллюзию на сохранявшееся самоуправление, была заменена волеизъявлением министра народного просвещения. Министру, а не совету университета, с 1849 г. было даровано право избирать ректоров из лиц, имевших ученые степени, причем на неограниченный срок⁸.

При разъяснении этого нового положения Правительствующему Сенату отмечались ошибочность и недопустимость впредь совмещения ректорских и профессорских обязанностей, так как это «не соответствует пользе сих высших учебных заведений» [5, с. 263, 264]. Выборы деканов, хотя и сохранили прежнюю периодичность – через четыре года, также оказались под контролем министра, которому разрешалось увольнять декана раньше означенного срока или, наоборот, «продолжать пребывание профессоров в этом звании» (то есть пролонгировать выполнение деканских обязанностей), но, что значительно важнее, – самовольно назначать деканов, «независимо от университетских выборов» [5, с. 263].

Оказавшиеся в полной зависимости от министра народного просвещения ректоры и деканы в январе 1850 г. получили «Инструкции», которые имели «исключительной целью усилить надзор за университетским преподаванием» [5, с. 264].

Согласно «Инструкциям», ректор и деканы факультетов несли ответственность за соблюдение профессорами утверждавшихся на университетском совете подробных программ читаемых ими курсов. При составлении программ профессор должен был изложить свой предмет в надлежащей «полноте, сообразно с потребностями университетского чтения», в соответствии с «ученой и нравственной» целями, исключив все «несогласное с учением православной церкви или с образом правления и духом государственных учреждений наших» [5, с. 264].

Деканы факультетов вынуждены были следить за тем, чтобы содержание лекций (или, иначе, «чтения») строго соответствовали программе. О любом, даже малейшем отступлении, «хотя бы и безвредном», они обязаны были доводить до сведения ректора. Лекции профессоров подлежали проверке в рукописи. Опубликование речей и рукописей профессоров можно было осуществлять только с разрешения попечителя [17, с. 356].

Ректоры университетов, полностью освобожденные от преподавательского труда, должны были сосредоточить свои служебные обязанности исключительно на процессе контроля за обучением студентов. Как и деканы, они отвечали за

то, чтобы лекции профессоров выражали «благоговение к святыням, преданность Государю и любовь к отечеству» [5, с. 264]. Кроме того, ректорам вменялись в обязанности регулярное посещение аудиторий, просматривание рукописей профессоров и конспектов студентов.

Никаких отступлений от программ не допускалось. Малейшее отклонение от утвержденного содержания курса влекло за собой «негласное вразумление» преподавателю и, как следствие, усиление надзора за ним. За более существенные проступки преподаватели, заподозренные в распространении «лжеучений» или крамолы, объяснялись с попечителем или самим министром, которые принимали «немедленно нужные меры к пресечению зла» [26, с. 45].

По своему усмотрению Министерство народного просвещения могло само предложить программы по тем или иным предметам. Для программ по богословским наукам: догматическому и нравственному богословию, церковной истории и законоведению – требовалось согласование Министерства с духовным ведомством [5, с. 265].

Почти одновременно с «Инструкциями ректорам университетов и деканам факультетов» последовало негласное «Наставление ректорам и деканам», подписанное П. А. Ширинским-Шихматовым и одобренное Николаем I. В нем рекомендовалось обратить особое внимание на преподавание государственного права, политической экономии, науки о финансах и «всех вообще исторических наук, возможность злоупотребления коих не подлежит сомнению». Программы по этим предметам, в которых запрещалось сообщать «зловредные мнения» о «мнимом превосходстве республиканского или конституционного правления» или о «разрушительных началах» социалистов и коммунистов, а также проповедовать «сомнительные намеки насчет несбыточных теорий», следовало утверждать в Министерстве народного просвещения [25, с. 251].

В учебные планы университетов были введены важные изменения, которые определили статус «опасных» для мировоззрения и нравственности студентов дисциплин. Настоящему гонению подверглись государственное право европейских держав и философия. Решения по поводу сохранения этих дисциплин в учебных планах университетов и объем изучения этих предметов принимались на самом высоком уровне.

Осенью 1849 г. П. А. Ширинский-Шихматов сообщил императору о своих сомнениях по поводу целесообразности изучения государственного права «при настоящем, еще довольно шатком политическом состоянии Западной Европы». Он не

был уверен в том, что даже сокращенный объем этой дисциплины позволит оставить без должного внимания в умах молодых людей преобразования некоторых западно-европейских правительств, поэтому министр просил императора «из-за нетвердости начал и неудовлетворительности выводов» приостановить преподавание этого предмета [17, с. 356]. Николай I не только поддержал министра, но и разрешил прекратить изучение государственного права, как «совершенно лишнего» предмета университетского курса [5, с. 265]. Изгнанная из университетов, эта дисциплина с 1854 г. уступила свое место военным наукам и обучению строевой службе. Лекции по артиллерии и фортификации читались только для студентов, изъявлявших желание участвовать в Крымской войне, «зато маршировка была обязательна для всех студентов, кроме медиков». Отодвинув на задний план учебные занятия, «военные экзерциции под руководством штабс-капитана с пятнадцатью фельдфебелями... барабанщиками и горнистом» отнимали у студентов по шесть часов каждую неделю [10, с. 16, 17].

Одновременно император предложил П. А. Ширинскому-Шихматову «представить соображение о том, полезно ли преподавание философии при настоящем предосудительном развитии этой науки германскими учеными», и просил подумать, «не следует ли принять меры к ограждению нашего юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительных мудрствований новейших философских систем» [5, с. 265]. П. А. Ширинский-Шихматов, побывав в университетах, доложил императору, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [25, с. 252], и это предопределило судьбу университетского курса по философии.

В 1850 г. Высочайшим повелением были закрыты кафедры истории философии и метафизики [25, с. 252], а также упразднено преподавание философии светскими профессорами⁹ [6, с. 318, 326]. Чтение логики и психологии, которыми отныне определялось научное содержание философии, передали православным священникам – профессорам богословия, что, по мнению министра народного просвещения, «сроднило эти науки с истинами откровения» [17, с. 356]. Новые учебные программы по тому, что осталось от философии, было решено составить в Министерстве и согласовать с Синодом.

Упразднение кафедр философии повлекло за собой преобразование философских факультетов, так как «философия не могла уже служить отличительным признаком целого факультета...» [5,

с. 265]. На базе философских отделений были созданы историко-филологические и физико-математические факультеты. Прежние профессора философии переводились на другие кафедры или вовсе оказались за пределами штатного расписания [6, с. 318, 326; 26, с. 46].

В результате всех этих преобразований, сообщает историк Министерства народного просвещения, «устав университета 1835 г. оказался нарушенным в своих основаниях, и с началом нового царствования вновь стала на очередь коренная реформа университетов» [5, с. 266].

«Темная, реакционная николаевская эпоха» [24, с. 40] привела университеты в упадок: численность студентов резко снизилась. В 1853 г. общее число студентов в шести русских университетах (Московском, С.-Петербургском, Харьковском, Киевском, Казанском, Дерптском) спустилось ниже трех тысяч, то есть, по сравнению с 1848 г., сократилось более чем на одну треть. Особенно сильно пострадали историко-филологические факультеты. Так, в С.-Петербургском университете в 1856 г. из общего числа студентов – 429 человек – филологов было только 30 человек, причем на последних курсах обучалось не более трех; в 1857 г. историко-филологический факультет выпустил только одного студента [10, с. 19]. Заметно упал и уровень преподавания, так как «вместо одушевления и таланта, принесенных на кафедры молодыми преподавателями тридцатых и сороковых годов, явились, по позднему официальному признанию, “мертвенность и застои”» [17, с. 356].

Занимаясь «беспощадным и тупоумным преследованием всякой живой мысли, малейшего проявления самостоятельности в обществе» [8, с. 80, 81], правительство Николая I мало заботилось о подготовке и комплектации профессорско-преподавательских кадров, организации учебной и научной деятельности, соответствующей истинным потребностям России. Существующие штаты – немногим более трехсот профессоров и преподавателей – не обеспечивали необходимой специализации преподавания. Один профессор читал всю русскую историю, другой – все отрасли славяноведения, на изучение всеобщей истории задействовали всего двух-трех человек. Профессор, лишенный возможности тщательно разрабатывать все дисциплины своей кафедры, нередко ограничивал лекции поверхностным, элементарным курсом или, напротив, сосредоточивал свое внимание на какой-то одной, наиболее привлекательной для него части, оставляя без должных комментариев остальные. Немало кафедр оставалось не замещенными, поэтому

структура факультетов не соответствовала достигнутой к тому времени степени дифференциации знаний [26, с. 50, 54]. Скучная материально-техническая база университетов не создавала условий для исследовательской работы, а недостаточная материальная обеспеченность профессоров [6, с. 322] требовала совмещать университетский труд с преподаванием в других учебных заведениях, литературной деятельностью, обязанностями чиновников государственного аппарата.

Запрещение целых разделов знаний для преподавания, исключение из учебных программ важнейших предметов ограничивали возможности профессоров тесными и искусственными рамками, а цензурный гнет вместе с требованиями апологии самодержавия и следования казенно-патриотической доктрине придавали процессу обучения сугубо утилитарный, догматический характер. Стремление правительства ограничить изучение теоретических дисциплин в наибольшей степени отразилось на науках, затрагивавших вопросы мировоззрения, проблемы государственного устройства, права, организации власти, поэтому преподавание гуманитарных дисциплин и естественных подверглось особо ощутимому нажиму и давлению¹⁰. В этих отраслях науки стало развиваться фактологическое направление дискурса, появилось чрезмерное внимание к исследованию частных, узкоспециальных вопросов, начал ощущаться сознательный уход от разработки научно и общественно значимой проблематики. В николаевское время во всех университетах России, и прежде всего в столичном, С.-Петербургском, пустил корни особый тип сухой, «мелочной учености» [26, с. 80, 81].

Что касается студентов, «скудно питаемых университетской наукой и преследуемых университетской полицией за незастегнутые крючки и пуговицы», то они в своем преобладающем большинстве поддались «повестническо-кутежному» настроению. «Общипанная и специально препарированная» университетская наука первой половины 50-х гг. XIX в. увлекала лишь ничтожно малую их часть. Нередко, следуя наставлениям своих попечителей, по-армейски грубо и прямолинейно приказывавших им предаваться «шалостям» взамен вольнодумству¹¹, студенты в головой погружались в «грязные увлечения». Отчеты полиции и дела инспекторских управлений провинциальных университетов пестрели сообщениями о похождениях студентов: избиении чиновников, стычках с полицией, ограблениях, разбоях, присвоении вверенных денег, подделке документов, «обольщении девиц».

За внешней подтянутостью студентов скрывались «дикие нравы, буйство, половая распущенность». Казанский университет, студенты которого накрепко освоили привычки «тогдашнего армейского общества», заслужил в народе прозвище «пьяного». Вообще, по мнению современников, тип студента того времени – «человека разгула, врага полиции и уличных фонарей» – был наиболее распространенным [10, с. 21, 22].

Безусловно, «гнусная российская действительность» питала оппозиционные настроения учащейся молодежи, но они были еще слабые и неопределенные; после разгрома петрашевцев не существовало «никаких общестуденческих организаций... заметных и серьезных кружков», вызывавших опасение правительства в благонадежности состоявших в них студентов. Насаждавшиеся в аудиториях ценности: показная любовь к отечеству, демонстративная преданность престолу, слащавый пиетет к христианским святыням – на практике оборачивались лицемерным притворством студентов и плохо скрываемым равнодушием даже к бедствиям и несчастьям, грозившим России. «Отечества мы не чувствовали; патриотизма в нас не было ни капли, – сообщают студенты тех лет, – и даже Крымская война очень мало всколыхнула студенческий мир», который оставался «глух и нем ко всему, что делалось вне стен университета» [10, с. 23–25].

Безупречный в отчетах попечителей и руководителей «храмов наук» университетский мир на деле выглядел так же, как и вся созданная Николаем I система устройства общества и государства: «сверху блеск, а снизу гниль» [18, с. 156].

С. М. Соловьеву, работавшему в Московском университете в годы правления Николая I, казалось, что «все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвещение... свернулось... Невежественное правительство, – утверждает он, – считая просвещение опасным и сжимая его, испортило целое поколение, сделало из него не покорных слуг себе, но вздорную толпу ленивцев... неспособных к зидительной деятельности...» [6, с. 313, 314].

Про «общий» университетский устав 1835 г. уже никто и не вспоминал. За несколько лет управления системой просвещения России П. А. Ширинским-Шихматовым не закон, а инструкции и распоряжения, соединенные с деспотической властью Николая I, определяли характер, направленность учебной и воспитательной деятельности и внутренний распорядок жизни университетов.

Остановила наступление полосы реакции на университеты только «настоящая национальная

катастрофа» – Крымская война, которая, по оценке современников, стала «бичем исторической Немезиды» [24, с. 41] – расплатой «за тридцатилетнюю ложь, тридцатилетнее давление всего живого, духовного, превращение русских людей в полки...» [6, с. 333].

Поражение России в Крымской войне знаменовало крах всей николаевской системы [16, с. 179, 181], ее «иллюзорного величия» [7, с. 36, 37], за фасадом «мундирного просвещения» которой скрывались нестерпимое давление правительственного обскурантизма и косности, решительное отгораживание от бунтующей Европы, гонения на свободную науку. На этом фоне последующие преобразования университетов, осуществленные Александром II в 50–70-е гг. XIX в., воспринимались очевидцами как настоящий «суворовский переход» [24, с. 42].

Библиографический список

1. Аксаков, К. С. Воспоминание студентства 1832–1835 гг. [Текст] / К. С. Аксаков // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 182–199.
2. Герцен, А. И. Московский университет [Текст] / А. И. Герцен // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 115–143.
3. Мурзакевич, Н. Н. В Московском университете, 1825 [Текст] / Н. Н. Мурзакевич // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 89–96.
4. Никитенко, А. В. Дневник: в 3 т. – Т. 1. 1826–1857. [Текст] / А. В. Никитенко. – М., 1955.
5. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст] / С. В. Рождественский. – СПб., 1902.
6. Соловьев, С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других [Текст] / С. М. Соловьев // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки / изд. подг. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. – М., 1983. – С. 229–350.
7. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров [Текст] / А. Ф. Тютчева. – М., 1990.
8. Феоктистов, Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896): Воспоминания [Текст] / Е. М. Феоктистов. – Л., 1929.
9. Чичерин, Б. Н. Студенческие годы. Москва со школьных годов [Текст] / Б. Н. Чичерин // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 372–417.
10. Ашевский, С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) [Текст] / С. Ашевский // Современный мир: ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – СПб., 1907. – Июнь. – С. 12–26.
11. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года [Текст] / под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.
12. Глинский, Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) [Текст] / Б. Б. Глинский // Исторический вестник: историко-литературный журнал. – СПб., 1900. – Том LXXIX. – С. 324–351.
13. Господарик, Ю. П. «У него благородное сердце»: Граф Авраам Сергеевич Норов [Текст] / Ю. П. Господарик // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 1. – С. 259–278.
14. Джаншиев, Г. А. Эпоха Великих реформ: в 2 т. – Т. 1 / Г. А. Джаншиев. – М., 2008. – Ч. III. Университетская автономия.
15. Жирков, Г. В. Век официальной цензуры [Текст] / Г. В. Жирков // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 167–264.
16. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. [Текст] / П. А. Зайончковский. – М., 1978.
17. Милоков, П. Очерки по истории русской культуры. – Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). – 4-е изд. [Текст] / П. Милоков. – СПб., 1905.
18. Мироненко, С. В. Николай I [Текст] / С. В. Мироненко // Российские самодержавцы (1801–1917). – М., 1993. – С. 91–158.
19. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Становление университетского образования в России [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – С. 7–19.
20. Новиков, М. В. Создание системы университетского образования в России и Устав 1804 г. [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – С. 15–22.
21. Новиков, М. В. Ревизия университетского Устава 1804 г. [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 2. – С. 11–16.
22. Новиков, М. В. Университетский устав 1835 г. [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 11–20.
23. Пресняков, А. Е. Апогей самодержавия. Николай I [Текст] / А. Е. Пресняков. – Л., 1925.
24. Сперанский, Н. Государство и наука [Текст] / Н. Сперанский // Сперанский Н. Кризис русской школы. – М., 1914. – С. 32–47.
25. Хотеевков, В. Ф. «Слепое орудие воли Государя»: Князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов [Текст] / В. Ф. Хотеевков, Л. Ф. Иванова // Очерки истории российского образования. – С. 233–258.
26. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической [Текст] / Р. Г. Эймонтова. – М., 1985.

¹ С. М. Соловьев сравнивает «мрачное семилетие» с началом эпохи принципата в жизни Римской державы,

когда в ходе репрессий и искоренения инакомыслия шел процесс идеологического оформления и определения пределов прерогатив власти императоров: «Время с 48-го по 55-й год было похоже на первые времена Римской империи, когда безумные цезари, опираясь на преторианцев и чернь, давили все лучшее, все духовно развитое в Риме...» [6, с. 313].

² Из воспоминаний К. С. Аксакова и Н. Н. Мурзакевича, обучавшихся в Московском университете в годы правления Николая I, следует, что в аудиториях можно было встретить «студентиков» пятнадцатилетнего возраста [1, с. 182; 3, с. 91].

Кроме них, в «классах» было немало «патрициев» – «старых» студентов, перешагнувших уже двадцатилетний рубеж своей жизни, – они пользовались большим уважением у «юных». Среди слушателей попадались и лица «преклонных лет»: чиновники и офицеры [3, с. 91].

³ Действительно, как свидетельствуют отчеты Министерства народного просвещения, к выполнению служебных обязанностей приступала ничтожно малая часть выпускников университетов: не более трети выпуска. Так, из трехсот тридцати трех студентов, окончивших С.-Петербургский университет в 1847–1849 гг., только девяносто шесть начали трудовую деятельность [17, с. 353].

⁴ А. В. Никитенко насчитал в России 1854 г. двенадцать цензурных ведомств [4, с. 336].

⁵ «Цензурные оргии» (выражение С. М. Соловьева [6, с. 313], выразившиеся в усилении цензурных ограничений и разрастании аппарата цензуры, в научной литературе получили название «эпохи цензурного террора» (1848–1855). «Двойная цензура»: предупредительная (до выхода в свет всех печатных изданий) и карательная для авторов и цензоров – была установлена за все, что признавалось предосудительным или «противным видам правительства»: осуждения действий правительства («хотя бы и косвенные»), «разбор и порицание существующего законодательства», «рассуждения, могущие поколебать верования читателей в непреложность церковных преданий», статьи о зарубежных конституциях, выборах, студенческих беспорядках, исследования по истории смут и т. п. [15, с. 193–198].

Выявляя и «предполагаемые цели автора», и «междустрочный смысл сочинения», цензоры распространили свою опалу на все книги и журналы, на весь литературный процесс, а составленный ими список запрещенных произведений представлялся в орган высшей полиции – III отделение императорской канцелярии. Установление полицейского контроля над творческим процессом журналистов, писателей, ученых отразилось не только на содержании появлявшихся трудов – резко сократилось и количество печатной продукции. Так, если в 1848 г. в России вышло пятьдесят шесть печатных органов, то в 1855 г. – лишь пятнадцать–двадцать [13, с. 273, 274].

⁶ Об этом сообщает историк С. М. Соловьев в своих «Записках»: «По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства... Впрочем, до 1848 года явного гонения на профессоров не было... Февральская революция отозвалась совсем печальным образом на России. Николай не

стал скрывать своей ненависти к профессорам, этим товарищам-соумышленникам членов французского собрания...» [6, с. 311, 312].

⁷ Об этом сообщает в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин: «События 1848 года вызвали сильнейшую реакцию в ничем не повинной России, которая должна была расплачиваться за европейские смуты. Если и прежде образованному меньшинству трудно было дышать под правительственным гнетом, то теперь дышать стало совершенно невозможно. Строгости усилились; цензура сделалась неприступной; частные лица, подозреваемые в либерализме, подвергались бдительному надзору. И в Москве и в университете произошли знаменательные перемены. Честный и добрый генерал-губернатор, князь Щербатов, вышел в отставку; вместо него был прислан граф Закревский» – настоящий тип николаевского генерала, олицетворение «всей наглости грубой, невежественной и ничем не сдержанной власти» [9, с. 409].

Ему вторит С. М. Соловьев, который утверждает, что до 1848 года явного гонения на просвещение не было [6, с. 312], и подтверждает А. И. Герцен: «До 1848 года устройство наших университетов было чисто демократическое. Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен и не был ни крепостным, ни крестьянином, ни уволенным своей общиной. Николай все это искажил; он ограничил прием студентов, увеличил плату своих коштных и дозволил избавлять от нее только бедных дворян. Все это принадлежит к разряду безумных мер...» [2, с. 116].

⁸ По этому поводу С. М. Соловьев писал: «Император, с целью подтянуть университет... уничтожил выборных ректоров и сделал коронных...» [6, с. 325].

⁹ Г. А. Джаншиев сообщает о том, что логику и психологию предложили читать профессорам богословия. Они были обязаны преподавать эти дисциплины по установленным духовным ведомством программам и под присмотром тех же наблюдателей, которым был поручен надзор за преподаванием Закона Божия в средних и низших училищах [14, с. 348, 349, прим. 16].

Е. М. Феоктистов в своих воспоминаниях об М. Н. Каткове пишет: «Кафедру философии в Московском университете Катков вынужден был покинуть вследствие общего распоряжения, которым преподавание этого предмета возложено было на духовных лиц, профессоров богословия» [8, с. 88].

¹⁰ С. Ашевский сообщает, что «господствующий дух времени» наиболее сильно ощутили на себе преподаватели историко-филологических и юридических факультетов, так как «здесь читались общественные и гуманитарные науки, на которых тяжелее всего отозвалась реакция, потому что преподаватели их главным образом должны были явиться в своих чтениях проводниками политических начал и строить на них свои курсы» [10, с. 18].

¹¹ Сохранилось воспоминание о киевском генерал-губернаторе Д. Г. Бибикове, попечителе местного университета, который говорил студентам: «Вы, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте за чужими женами, посещайте девок, но политикой не занимайтесь, не то выгоню из университета» [10, с. 22].